

Московские лингвисты

И. Мельчук

Слово о Музе

Воспоминания о известном редакторе и организаторе издания переводов лингвистической литературы Музе Александровне Обориной. Рассказано о её роли в подготовке русского перевода «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, о многолетней борьбе за выпуск однотомника лингвистических трудов Р. Якобсона.

Ключевые слова: идеальный редактор, В.А. Звегинцев как издатель переводной литературы по лингвистике.

На этом свете мало что можно назвать идеальным, но Муза Оборина была идеальным редактором, редактором Божьей милостью. Профессия редактора фактически вымерла за последние десять-пятнадцать лет, но в пятидесятые – семидесятые годы прошлого века в Москве она была в самом расцвете. Говорю я здесь исключительно о редакторах научной литературы, ибо с редакторами беллетристики я знаком не был и знал о них лишь понаслышке. А вот с редакторами научной литературы я имел дело часто и много. Вообще-то этих редакторов мы, авторы, недолюбливали – они придирались зря, всегда искали скрытую крамолу, а пользы от них было мало, так как уровень их подготовки и общей культуры оставлял желать лучшего¹. Но Муза Александровна была безупречна: она проверяла не просто каждое слово, но и каждую запятую – проверяла на точность эквивалента, на последовательность, на логичность изложения. Иностранных языков она толком не знала, но проводила долгие часы с переводчиками, обложившись словарями... Её добросовестность и тщательность до сих пор – т. е. полвека спустя! – вызывают моё удивление. Обидно, что такой самоотверженный и полезный труд не получил должной оценки...

Да будет мне позволено рассказать здесь несколько баек, связанных с деятельностью М. А. Обориной.

Этимологический словарь русского языка М. Фасмера. Муза Александровна редактировала выполненный О.Н. Трубачёвым перевод на русский язык «Этимологического словаря» Макса Фас-

мера, каковой и сейчас остаётся главным источником сведений по этимологии русской лексики. Это редактирование представляло колоссальные трудности: словарная картотека Фасмера, которую он составлял всю жизнь, сгорела в 1944 году при бомбардировке Берлина, и автору пришлось восстанавливать её, не имея доступа к первоисточникам в СССР. А в словаре десятки тысяч ссылок на редчайшие публикации. Выверка всех ссылок на русские источники была выполнена (совместно с Л. Гиндиным) Обориной! Уже одного этого подвига было бы достаточно, чтобы войти в историю. Но Муза провела еще целую серию отчаянных боёв за сохранение в словаре **всей** лексики, ибо начальство категорически запретило все «неприличные» слова. (Забавно, что главным противником включения в словарь обценных выражений был его редактор, серьёзный профессиональный филолог Борис Ларин.) Том 2 начинается на Е, так что самый популярный русский глагол оказался слишком на виду и был свирепо выкинут. Хитрая Муза решила тогда спасти хотя бы ЖОПУ – в те времена слово абсолютно непечатное (жопа была, а слова не было, как мы знаем из популярного в своё время анекдота; за прошедшие с тех пор 50 лет жопа обрела всенародное признание и спокойно вошла в нормальную разговорную речь). Ради этого, Оборина распихала соответствующую статью по сноскам в разных других статьях, надеясь, что цензоры будут читать сноски менее внимательно (да и шрифт там мелкий!). Но увы, ЖОПА была обнаружена, а Муза – насколько я помню – схлопотала выговор по партийной линии. Но в самом конечном итоге справедливость восторжествовала: не знаю, каким образом, но ЖОПА попала-таки на свое место в словаре...² (Надо признаться, что Муза была убеждённым коммунистом и членом партии, т. е. КПСС. Это было возможно только в силу сложности нашей натуры, ибо человек она была совершенно порядочный и действия коммунистов обычно не одобряла. А вот поди ж ты...)

Перевод избранных трудов Якобсона. Где-то в конце 1950-х годов, профессор Владимир Андреевич Звегинцев, заведующий лингвистической редакцией издательства «Иностранная литература» (позже «Прогресс»), затеял издание «Избранных трудов» Романа Якобсона в русских переводах. Он переговорил об этом с самим Якобсоном во время его приезда в Москву в 1958-ом году на очередной съезд славистов – и работа закипела. Звегинцев поручил мне собрать группу переводчиков и первично редактировать переводы для придания им необходимого единообразия. (Хотя в личном плане Звегинцев меня на дух не переносил, но он ценил мои знания и хорошие переводы; вообще человек он был очень приличный – беспартийный завкафедрой в Московском университете в те годы был

крайней редкостью. Это именно он создал в университете Отделение структурной и прикладной лингвистики – знаменитый ОСИПЛ. А потом он себя прекрасно держал при изгнании из университета В.В. Иванова и меня в 1958 году – но это совсем другая история.) Работа шла медленно: переводы отправлялись по почте в Бостон, вычитывались Якобсоном, исправлялись и снова целые простыни вопросов и замечаний плыли через Атлантику в обе стороны. Издательским редактором этих переводов была, разумеется, Муза Оборина. Наконец, в 1963 году, на конгрессе славистов в Софии, я смог повидаться с Якобсоном и утрясти последние проблемы. Но тут Звегинцев ушёл – или, точнее, был уйдён – с поста заведующего. Его сменил Николай Чемоданов³, бывший мужем злобной и хитрой Мирры Гухман. (Это она писала в 1951 году, что сочинения всяких там Блумфилдов помогают американскому правительству оболванивать парней, которых гонят умирать в Корею. А в 1968 заявила на институтском собрании, что она лично расстреливала бы тех, кто протестовал против советского вторжения в Чехословакию.) Вдвоём они стали изо всех сил тормозить издание якобсоновского сборника – и протянули время до 1968-го года, когда после «Пражской весны» Чемоданов написал письмо в Центральный Комитет КПСС, советуя отменить публикацию сборника, поскольку Якобсон не поддержал советскую интервенцию, да и вообще он что-то вроде агента ЦРУ. Сборник был отвергнут, все копии рукописи уничтожены; но деньги переводчикам заплатили. Так вот, Муза добыла и принесла мне копию этого письма! Для сведения: в 1985 году, издательство «Прогресс» всё-таки выпустило «Избранные работы» Романа Якобсона – в новых переводах и с прекрасной вводной статьёй В.В. Иванова. Редактировала эту книгу Муза Александровна Оборина!

Организация экскурсий. Энергичная и чёткая, Муза Оборина выделялась своей активностью в плане организации автобусных экскурсий по историческим и культурным памятникам России. Сейчас невозможно себе представить себе, сколько крови стоило устроить трёхдневную экскурсию в какой-нибудь северный монастырь. А она устраивала их регулярно...

Потенция не может рассматриваться как импотенция. Эта история – не столько про Музу Оборину, сколько про меня в связи с ней. С начала 1960-х годов упомянутый выше В.А. Звегинцев начал издание серии сборников «Новое в лингвистике», где печатались произведения современных западных («буржуазных») лингвистов, некоторые интересные, а некоторые – совсем нет. В целом, однако, это было замечательное начинание: советские лингвисты получили

доступ к тому, что еще какие-нибудь 10 лет назад было категорически запрещено. В числе многих других Звегинцев привлек к переводческой деятельности и меня. Мне был доверен перевод книжки профессора Эухенио Косерю «Синхрония, диахрония и история», изданной по-испански в Монтевидео в 1958⁴. Я взялся за эту работу сугубо ради денег – мне и Лиде негде было жить – и героически трудился над переводом в крохотной комнатке, которую мы снимали у двух незамужних ткачих с бесконечным числом детей. В этой комнате не было ничего, кроме кровати и ... швейной машинки, на каковой я писал по ночам перевод, сидя на кровати. При этом меня одолевали клопы: их было там несметное количество. Да и текст, подлежащий переводу, злил меня необычайно: пустое, напыщенное разглагольствование. Чтобы отвести душу, я время от времени вставлял в него бессмысленные фразы, от чего он не делался более бессмысленным. Так вот, большинство моих вставок было обнаружено Музой при редактировании, хотя испанского языка она не знала! Но одна всё-таки проскочила: см. «Новое в лингвистике», III, 1963, Издательство иностранной литературы, Москва, стр. 168, строки 11-10 снизу. Вот получившийся текст, где моя вставка выделена полужирным шрифтом: «Исторически же, напротив, потенция предшествует акту. **При этом потенция не может рассматриваться как импотенция.** Поэтому необходимо связать свободу с историчностью». Я так и не рассказал Музе о моей проделке. А теперь уже поздно... (Замечу, что перевод Косерю принес мне достаточную сумму, чтобы заплатить первый взнос за кооперативную квартиру – на Сиреневом бульваре, на северо-востоке Москвы, где мы с Музой ещё не раз работали за раскладным красным пластиковым столиком на кухне.)

Последний раз я видел Музу лет 10 назад: она почти ослепла, но разом её был светел и характер был виден. Её внучка жила в Эквадоре (замужем), и Музин правнук регулярно приезжал в Москву – поддерживать русский язык. С какой радостью и теплотой рассказывала она о нём...

Вспоминать о Музе и говорить о ней приятно. Боюсь, что таких людей больше не делают.

Благодарности

Спасибо Ю. Апресяну, С. Гиндину, М. Гловинской, Л. Иорданской и Н. Перцову, прочитавшим мой текст и предложившим ряд поправок, каковые я с признательностью принял.

Примечания

- 1 Не могу удержаться, чтобы не вспомнить три примера редакторской деятельности в СССР.
- I. Где-то в конце 1960-х годов главная редакция издательства Академии Наук разослала по институтам Академии циркулярное письмо. В нём авторам предписывалось тщательнее вычитывать рукописи и избегать разнобоя – например, в иностранных словах не использовать разные типы ударения, как, например, «'» и «^».
- II. При моей попытке издать Толково-комбинаторный словарь русского языка в ВИНТИ редактор, имени которого я не знал, «выловил» в нашем тексте следующий пример: *5-го марта 1373 года великий учёный тихо заснул в своём кресле.* «– Это не пойдёт! – радовался он. – На что вы тут намекаете? Вы сами знаете, что скончался 5-го марта!» (Вспомнят ли младшие из моих сегодняшних читателей, что это день смерти величайшего изверга, когда-либо жившего на земле, – Джугашвили-Сталина?..)
- III. Другой редактор решительно искоренил в моём переводе книжки Лангендуна фразу *Президент Джонсон – империалистический мясник* (President Johnson is an imperialist butcher): «– Так нельзя про американского президента!» «– Да ведь книга-то издана в США и это пишет американский автор!» «– Ну, им можно, а нам никак нельзя; кто знает, что будет завтра!»
- 2 Справедливости ради отмечу, что героическая Муза пробила включение в перевод словаря Фасмера таких слов, как БЗДЕТЬ, ГОВНО, ПЕРДЕТЬ, СИСЬКИ/ТИТЬКИ, СРАТЬ и СЦАТЬ, каковых нет даже в Малом Академическом словаре.
- 3 Чемоданов был известен тем, что вошел в лингвистику весьма извилистым путём – как аспирант и муж профессора лингвистики Розалии Шор. Затем, женившись на некоей Фельдман и желая продемонстрировать свою прогрессивность, он добавил её фамилию к своей и стал Чемоданов-Фельдман. После смерти жены он женился на Мирре Гухман и взял ещё и её фамилию, сделавшись Чемоданов-Фельдман-Гухман. Однако советские законы не позволяли иметь более двух фамилий, так что беднягу автоматически превратили в Фельдмана-Гухмана – и случилось это в конце 1940-х годов, в самый разгар государственного антисемитизма! Так что Николаю Сергеевичу пришлось немедленно вновь «очемоданиться». Единственно доброе, что я могу сказать о Чемоданове, – это то, что антисемитом он не был. Однажды, на праздновании Нового года в Москве он здорово избил Виктора Сухотина, лингвиста-русиста, за какие-то жуткие антисемитские высказывания. – Эти сведения у меня от Александра Александровича Реформатского, который при этом присутствовал. (В 1951 году я попытался пойти на курс Чемоданова по готскому языку на филологическом факультете университета, однако после первой же лекции сбежал, поняв, что ещё час такой тягомотины – и я сам превращусь в древнего гота...)
- 4 Во время перевода книги Косерю мы в Москве не знали о его румынском происхождении, а потому его фамилию читали и транскрибировали неправильно: *Косерицу, вместо *Косерю*. Eugen Coșeriu (т. е. он, на самом деле, даже не *Косерю*, а *Кошерю*) переселился после Второй мировой войны в Уругвай, поскольку в своей родной Румынии он был до войны членом Железной гвардии – крайне националистической, мистически ориентированной, профа-

шистской партии и, видимо, опасался преследований. (К Железной гвардии примыкал также известный историк религий, писатель и философ Мирча Элиаде.) Позже Косерю переехал в Западную Германию и заведовал кафедрой романских языков в Тюбингене. Хотя он был широко известен в лингвистике, всё его творчество – сплошная философия и болтология. Впрочем, я многим ему обязан: ему понравился мой русский перевод его «Синхронии...» (он мне писал, что перевод понятнее оригинала; я думаю, что так оно и есть), и он порекомендовал мои работы известному немецкому издателю Вильгельму Финку, а тот издал мою первую на Западе книжку – *Das Wort*, 1976, München, W. Fink Verlag. Это очень помогло мне в моей последующей новой жизни... Спасибо товарищу Косерю за мои счастливые годы!